

Отец так и ушел, не написав о своей войне.

Много лет хотел сесть за книгу: все свободное от работы в больнице время корпел в архивах, искал документы, общался с однополчанами, которых с каждым годом становилось все меньше, и к сорокалетию Победы он уже остался один...

Отец жил с другой семьей, виделись мы нечасто, а когда встречались и я спрашивал про книгу — мрачно отмахивался: без толку все!

Он попал на фронт новоиспеченным лейтенантом, приписав себе год до призывного возраста, в конце сорок третьего, закончив офицерские курсы. В своей роте, понятно, оказался младшим, потому считал, и выжил в той мясорубке — щадили его, «сынка» — командира, опытные фронтовики-разведчики. Знал он их всего-то год-полтора, пока пробивались с боями в Венгрию и Австрию, там, в чужой земле, вся рота отца и легла, один он, девятнадцатилетний, контуженный и полуглухой, увидел освобожденную Вену, где на госпитальной койке и выпил 9 мая 45-го свой горький стакан в память о павших. И потом всю отмерен-

Георгий Елин — московский литератор. Пишет прозу и публицистику. Работает как журналист. Иногда снимает документальные фильмы. Разбирал тексты записных книжек Андрея Платонова. Редактировал журналы «Стас» и «Крокодил».

Елин — автор с тонким чувством той нынешней редакционно-кухонной повседневности, которая завтра станет историей литературы.

Всю жизнь ведет дневники. Иногда печатает фрагменты — если не под заголовком «Былое и дамы», то под рубрикой «Мальчишник».

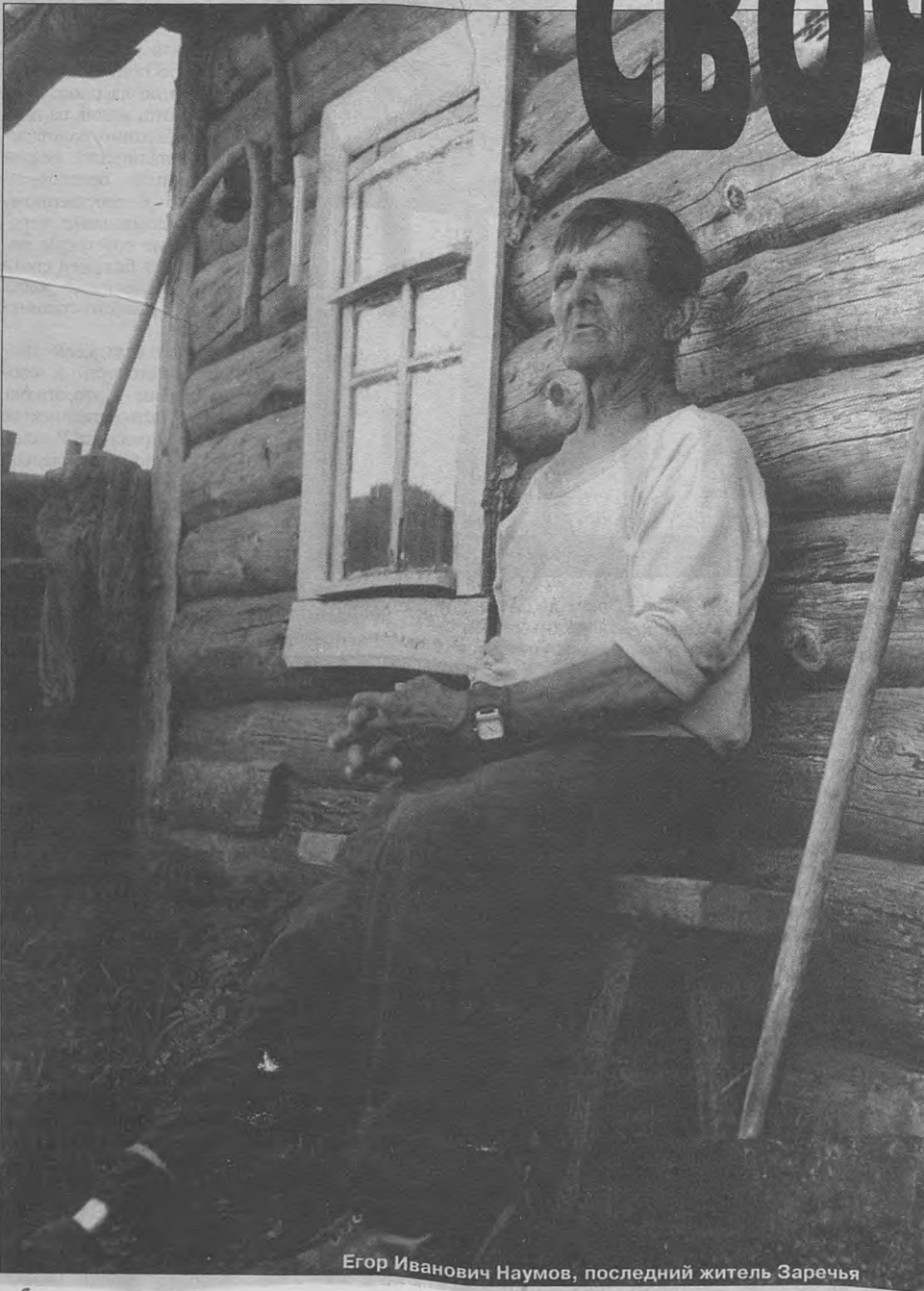
Но в этих дневниках есть и другие страницы.

● Отдел культуры

Георгий Елин

Новая газ. — 2006 —
24 июля — с. 6.

ПОСЛЕДНИЙ ЖИТЕЛЬ СПАЛЕННОЙ ДЕРЕВНИ, ИЛИ СВОЯ ВОЙНА

Егор Иванович Наумов, последний житель Заречья

ную ему жизнь вспоминал и говорил о тех, кого узнал на войне, честно полагая, что только так, пока они остаются в его памяти, нужно жить, стоит жить.

Я очень сердил отца, не понимая, зачем, например, кому-то знать про татарина Тагира — по мне, просто страшный был человек, патологический. Когда разведгруппа ночью шла за «языком», все оставались держать расчищенный к немецким окопам проход, а Тагир уползал в тыл один, вооруженный только пистолетным коротким шомполом. Им беззвучно и убивал спящих — приставив острый штырь к уху, коротко

крывать амбразуру только телом...

Жалея отца, предлагал: не трать зря время, просто расскажи, как помнишь, а я запишу. Тут он был непреклонен: о своем только сам! К тому же у каждого поколения — своя война: в начале восьмидесятых мои сверстники гибли в Афганистане, «окопную правду» о котором мы тоже прочли лишь десятилетие спустя.

И, прохажив по свету полвека, невольно ловишь себя на мысли, что всю жизнь живем в воюющей стране. Недавно по пути в Одессу в одном со мной купе оказались старик-еврей с лагерным номером на запястье и молчаливые русские ребята в камуфляже с густым чеченским загаром...

ли вдоль обмелевшей речушки тесно, бок о бок, обратясь окнами друг на друга, и три легких мостика соединяли плоские берега. От домов остались только едва различимые в земле фундаменты да полуосыпавшиеся печки. Очевидно, устроители памятника намеревались сделать мемориал наподобие Хатыни, но обошлись без профессионала-архитектора: оставили из обгорелых печей десяток самых высоких, которые были ближе друг к другу, да соорудили бетонную стелу с надписью: «Трубы печей оголенных — свидетели горького часа».

На другой стороне шоссе сбоку от широкого поля, приоткрылся едва видимый с дороги замшелый сарай, возле которого, как ни странно, мы заметили старика: сидел возле двенадцатки, выткнув перед собой деревянную ногу-палку.

Появление пришедших его особо не заинтересовало — повернул в нашу сторону морщинистое лицо, и только. Но заговорил охотно, сказал, что звать его Егор Иванович Наумов, лет ему 75, и живет он здесь совсем один в этой деревне, кроме него, других живых не осталось. Нogu он потерял по болезни перед самой войной, так что в армию не годился и уехать не мог — немцы быстро пришли (оставили, как везде, для порядка трех солдат с офицером). Осенью 43-го Наумов пошел по соседним деревням побираться, есть-то совсем нечего было, и на одной ноге ходил долго — до первого снега, тогда и услышал, что каратели спалили его Заречье со всеми жителями. Вернулся он на голое пепелище — только эта сараюха не сгорела, потому как с краю была, и в ней с тех пор живет... Вопроса о деньгах и еде старик не понял — все, что ему нужно, огорожок дает, а летом и вовсе хорошо — дачники мимо ездят, иногда какую-никакую еду подбросят.

Рассказал, что в деревне было 170 дворов, но почти вся она выгорела в одночасье весной 30-го и к началу войны заново отстроилась лишь наполовину. И пережили бы они войну, быть может, благополучно, только в октябре 43-го освободили их «партизаны» (обычный десант из трех человек — командир, радист и подрывник, которых забрасывали в тыл к немцам партизанские отряды создавать). Перебили поодиночке четверых фрицев, объявили жителей освобожденными и увели всех в лес. Вскоре нагрянула зондеркоманда — отловили в чащобе 66 человек, баб да ребятшек заживо сожгли в двух амбарах. Жестокостью в Заречье фашисты своего добились: потом, едва в окрестностях объявлялись очередные «партизаны»-десантники, местные жители спешно сообщали о них в гестапо. Вообще, сказал Наумов, народ здесь советскую власть не шибко жаловал, а в одной деревне, целиком заселенной карелами, фашистов ждали с хлебом-солью и потом всей деревней с ними, отступавшими, ушли. И еще про то, как местные жители устраивали завалы, чтобы танки власовской дивизии из окружения не вырвались...

Я не знаю, насколько он был прав, рассказывая о своей войне, тот одинокий старик, последний житель деревни Заречье, так и не ушедший с отчего пепелища. Его не приглашали на редкие торжественные мероприятия к мемориалу вроде приема в пионеры (судя по привязанному к трубам пучкам пионерских галстуков, была там такая традиция), поскольку никаким участником войны Егор Иванович Наумов не числился. И как закончились его дни на этом свете, я вообразить не в силах.

Только фотография его, сделанная в тот день, и сохранилась — последнее свидетельство того, что жил на свете человек.

ударял кулаком по другому закругленному концу и, порежив таким способом лишние в траншее или блиндаже, последнего живым притаскивал к нашим. Тагир делал это не раз и не два, «почерк» татарина приводил фашистов в ужас, они пугали жутким именем своих ротозеев.

Однажды тихо не получилось, Тагира взяли живым, конец его был страшен — немцы отыгрались яростно, сделав из советского разведчика «ежика»: исколов штыками, в каждую рану воткнули автоматный патрон... Только, отец, не вздумай описывать это, говорил я, ты же медик, а литература — не протокол патологоанатома. «Но это же было, было!» — кричал он, кипятясь и уже смиряясь с мыслью, что задуманная книга останется только в его голове.

Были еще и другие истории, и отец еще несколько лет упорствовал, сам пытаясь разобраться в том, свидетелем и участником чего он оказался в юности.

Когда сержант Портнов из его роты проявил в бою смекалку, заглушив шинелью пулеметную шель немецкого дота, его сразу представили к ордену, да ходатайство где-то затерялось, а вскоре и Портнов ошибся, расчищая «коридор» на минном поле. Отец долго рассылал письма и запросы, но все впустую, пока маршал Конев незадолго до смерти не посодействовал. И поиск отца наконец увенчался успехом — он нашел-таки искомое представление.

Перечеркнутое стальной рукой, приписавшей на полях: «В награде отказать. Впредь за-

2.

О т истории в России нигде не денешься.

Летом 81-го оказались с приятелем в семидесяти километрах от Питера-Ленинграда, в пушкинско-шишкинско-набоковской Выре. Свежеотреставрированный Домик станционного смотрителя только только включен (по случаю минувшей Олимпиады) в список музеев регионального значения, книги певца этих мест еще не разрешены в СССР и проникают сюда в ксерокопиях с ардисовских изданий, а в краеведческом музее (в еще не сгоревшем деревянном дворце Руквишниковых на высоком берегу Оредежа) полубезумная экскурсовод рассказывает желаящим, что во время Великой Отечественной писателя-эмигранта Набокова видели в этих местах в эсэсовской черной форме.

История здесь густо понаметала: на маленьком сельском кладбище лежат мать декабриста Рыльева и юная жена академика живописи Шишкина, на Выре местные старожилы охотно показывают домик генерала Власова (выйдя из окружения со своим штабом, он сдался здесь немцам). А в здании почтовой станции тогда же фашисты устроили комендатуру концлагеря, там среди советских военнопленных оказался и татарский поэт Муса Джалиль.

У приятеля тут был свой интерес — в десяти верстах от Выры, судя по семейным преданиям, находилось его «дворянское гнездо». Деревни той, именованной Заречьем, давно на картах нет, но что-то ведь должно на ее месте остаться. Правда, нас заранее предупредили, что ничего мы там не найдем — голое поле, и машины туда почти не ходят, поскольку земля эта лежит между двух разных районов. Ну да еще мемориальное пепелище там есть, сами увидите...

Через полтора часа пешего хода лес вокруг дороги внезапно кончился, и взгляду открылось огромное поле, а возле шоссе действительно стоял скромный обелиск на фоне обгоревших печных труб — все, что осталось от старинного Заречья. Она явно была очень красива, та деревня: избы стоя-